

Ю.Э. Янсон

Теория статистики

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 51
ББК 22.1
Ю11

Ю11 **Ю.Э. Янсон**
Теория статистики / Ю.Э. Янсон – М.: Книга по Требованию, 2021. – 900 с.

ISBN 978-5-458-15768-1

ISBN 978-5-458-15768-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

этой мѣстности, отличающихся своими индивидуальными особенностями. Необходимо для составленія общаго понятія какъ о климатѣ каждой мѣстности, такъ и всей страны, наблюдать извѣстные признаки, входящіе въ составъ понятія климата, постоянно и непрерывно, на всякой точкѣ поверхности и въ теченіи безконечнаго времени. Но такое идеальное приложеніе численнаго метода практически недостижимо. Практически, напр., въ климатологіи, этотъ вопросъ разрѣшается тѣмъ, что въ данномъ мѣстѣ въ теченіи *возможно долгаго* времени производятся по извѣстному плану наблюденія и ихъ регистрація и устраивается *возможно большее* число мѣстъ наблюденія. Численный методъ приложимъ, кромѣ того, и къ фізіологіи, и къ медицинѣ, напр., въ вопросѣ о дѣйствіи лекарствъ, которыя употребляются при различныхъ болѣзняхъ, иной разъ неизвѣстно почему, но только благодаря опыту.

Въ явленіяхъ общественной жизни, составляющихъ результаты дѣйствія внѣшней природы и человѣка, какъ разумно-нравственнаго существа, господствуютъ причины съ преобладающими непостоянными элементами. Нечего и думать при изученіи общества, чтобы данное явленіе могло когда либо и гдѣ либо повториться въ томъ же видѣ, въ какомъ оно было разъ наблюдаемо. Сумма постоянно дѣйствующихъ причинъ слишкомъ незначительна сравнительно съ тѣми особыми условіями, какія представляютъ разныя общества въ данное время, или данное общество въ разное время. Эта высшая степень индивидуальности общественныхъ явленій дѣлаетъ мало приложимымъ къ изученію и объясненію ихъ какъ методъ дедукціи, такъ и прямой индукціи, предоставляя исключительное господство методу численному и непосредственно съ нимъ связанному обратно-дедуктивному процессу вывода. Чѣмъ проще явленіе, т. е. чѣмъ меньше причинъ вліяютъ на его появленіе и чѣмъ причины эти неизмѣннѣе, тѣмъ больше поле для опыта. При болѣе сложныхъ явленіяхъ опытъ уступаетъ мѣсто наблюденію отдѣльныхъ случаевъ. При еще болѣе сложности наблюденіе отдѣльныхъ случаевъ уступаетъ мѣсто наблюденію массовому или численному. Съ каждымъ такимъ переходомъ отъ одного способа изслѣдованія къ другому теряется точность и безусловность общихъ выводовъ. Опытное изслѣдованіе преобладаетъ въ наукахъ о природѣ неорганической; въ наукахъ, изслѣдующихъ природу органическую, кромѣ опыта, необходимо бываетъ прибѣгнуть къ наблюденію, особенно въ изслѣдованіяхъ надъ человѣкомъ. Въ этомъ отношеніи фізіологія уже стоитъ ниже зоологіи. Нельзя изрѣзать живого человѣка

для разрѣшенія фізіологическихъ вопросовъ; приходится рѣшать ихъ по аналогіи съ организмами другихъ животныхъ. Наконецъ, о природѣ общества можно судить только по массовымъ наблюденіямъ: опытъ здѣсь совершенно невозможенъ. Успѣшность массоваго наблюденія зависитъ какъ отъ самаго наблюдаемаго явленія, такъ и отъ средствъ наблюденія. Не всегда и не всякое наблюдаемое явленіе можетъ быть разложено на свои простѣйшіе элементы, не всегда, поэтому, возможно и приложеніе численнаго метода. Бываетъ, съ другой стороны, что средства наблюденія недостаточны; напр., населеніе всегда было разложимо на свои простѣйшія составныя, но долго не было выработано приѣмовъ для регистраціи этихъ простѣйшихъ составныхъ. Есть, наконецъ, въ общественной жизни и такія явленія, которыя совершенно не поддаются числовому методу, — они и не входятъ въ область статистики. Есть и такія явленія, которыя для опредѣленія своего, не смотря на цифровое выраженіе, вовсе не нуждаются въ численномъ методѣ. Таковы разныя данныя цифирныя, входившія прежде въ статистику: о численности войска, о доходахъ и расходахъ государства и т. п. Изъ сказаннаго непосредственно слѣдуетъ, что содержаніе статистики расширяется по мѣрѣ возможности приложенія числоваго метода. Въ этомъ отношеніи статистика раздѣляетъ судьбу всѣхъ другихъ *наблюдательныхъ наукъ*.

Такимъ образомъ, статистика есть наука, *изучающая общество настолько широко, насколько это возможно при современныхъ средствахъ своего особаго метода наблюденія*. Цѣль ея, какъ и всякой науки, не только констатировать научные факты, но и отыскивать причины существованія и наступленія явленій и опредѣлять законы дѣйствія этихъ причинъ. Явленія, подлежащія изученію статистики, должны имѣть два признака: 1) принадлежность къ области общественныхъ явленій, 2) находиться подъ вліяніемъ не однихъ только постоянныхъ, но и переменныхъ или случайныхъ причинъ. Не всякій, поэтому, фактъ, выраженный цифрою, хотя бы и имѣющій отношеніе къ общественной жизни, будетъ фактомъ статистическимъ. Пространство данной мѣстности, длина рѣки, желѣзной дороги — не суть факты статистическіе. Это, впрочемъ, не мѣшаетъ статистикѣ пользоваться ими для своихъ цѣлей. Эти факты, болѣею частью какъ неизмѣнныя количественныя величины, служатъ хорошимъ основаніемъ для приведенія къ нимъ другихъ, переменныхъ, величинъ при выводѣ отношеній и пр.

II.

Историческій очеркъ научной статистики.

Начало статистическихъ наблюдений, выразившихся въ собираніи государственными органами различныхъ свѣдѣній о состояніи государства, относится къ глубочайшей древности. Надобно предполагать, что у различныхъ народовъ востока и въ особенности у классическихъ народовъ древности были обширныя и до нѣкоторой степени правильно устроенныя административно-статистическія учрежденія для практическихъ, разумѣется, только цѣлей. Въ практикѣ выдвигались на первый планъ двѣ стороны государственной жизни—финансы и военное дѣло, и всѣ административныя операціи предпринимались исключительно для полученія общаго понятія о военной и податной способности населенія.

У древнѣйшаго изъ культурныхъ народовъ, у китайцевъ, въ эпохи очень глубокой древности были собираемы уже свѣдѣнія о численности населенія по полу и возрасту (первая перепись относится къ XXIII вѣку до Р. Х.), о доходности земель, о производительности податныхъ источниковъ, о движеніи торговли и пр. Съ XII вѣка до Р. Х. переписи населенія производятся уже періодически. Свѣдѣнія о доходности земель, о поземельномъ и личномъ налогахъ, о движеніи торговли и пр. сведены въ одно цѣлое въ особомъ сборникѣ, составленномъ Ма-туан-лин'омъ, и пополняемомъ постоянно китайскими учеными. Конфуцій приводитъ въ 1 ч. 2 книги Шу-Кинг'а результаты официальнаго ценза, сдѣланнаго въ 2238 г. до Р. Х. императоромъ Яо.

Потомъ, у евреевъ съ самаго начала ихъ исторіи великую роль играло, какъ извѣстно, народоисчисленіе, предпринимавшееся для военныхъ и финансовыхъ цѣлей. «Книга Числъ» Моисея есть ничто иное, какъ исчисленіе лицъ мужескаго пола, способныхъ носить оружіе. У пророковъ — Самуила (II, гл. 24), Эздры, Нееміи и др. — много указаній на послѣдующіе цензы. Персидская монархія несомнѣнно тоже должна была имѣть административную статистику, судя по тому, что Геродотъ могъ сообщить намъ о временахъ Дарія и Ксеркса—относительно состоянія войска, пространства и кадастраціи земель, государственныхъ доходовъ и пр. Въ Египтѣ въ глубокой древности былъ кадастръ, были переписи, велись акты о состояніяхъ. Государства Греціи неизбѣжно тоже должны были имѣть статистическія учрежденія, которыя собирали множество статистическаго матеріала, безъ котораго немислима столь высокоразвитая

государственная жизнь. Въ Афинахъ несомнѣнно велись текущіе списки населенія, записи торговаго движенія, былъ кадастръ и пр., а для всего этого должны были быть и особые органы, особые способы записей.

Относительно Рима должно сказать то же самое. Учрежденія Сервія Туллія между прочимъ имѣли и статистическій характеръ: цензъ, записи рожденій и смертей, списки совершеннолѣтнихъ суть операціи статистическія; цензоры были въ значительной степени чиновники статистики. Во времена республики цензы повторялись каждыя пять лѣтъ. При императорахъ они сдѣлались подробнѣе и распространились на все пространство имперіи. При Августѣ и Клавдіѣ были составляемы военно-статистическіе сборники, были попытки картографическихъ работъ. Тацитъ (Ан. I, гл. II) говоритъ о такомъ именно сборникѣ, составленномъ во времена Тиверія.

Но при всей обширности статистическихъ работъ едва-ли въ древности пользовались ими какъ научнымъ матеріаломъ. По крайней мѣрѣ до насъ не дошло ни одного сочиненія собственно статистическаго содержанія. Говорятъ, такой характеръ имѣла одна изъ утраченныхъ частей Политики Аристотеля, — Цицеронъ знаетъ два экземпляра ея, — но до насъ они не дошли или еще не отысканы.

Несравненно менѣе сравнительно съ древними даютъ намъ средніе вѣка, въ особенности первая ихъ половина. Всѣ статистическія работы этого періода ограничиваются лишь небольшими территоріями; едва-ли даже существовали какія либо особые учрежденія для собиранія матеріаловъ, относившихся къ цѣлымъ государствамъ.

Единственными памятниками, дошедшими до насъ изъ первой половины среднихъ вѣковъ, это — *Breviarium regum fiscalium* Карла Великаго, который есть ничто иное, какъ перечисленіе количества земли королевскихъ имѣній и доходовъ и способнаго носить оружіе населенія. Въ IX вѣкѣ въ Англіи Альфредомъ Великимъ составленъ былъ кадастръ или статистическая опись королевства по провинціямъ для опредѣленія податныхъ силъ страны. Съ XI вѣка, сначала въ монастыряхъ, а затѣмъ и у свѣтскихъ владѣльцевъ, появляется нѣчто въ родѣ частныхъ статистическихъ работъ по поземельному владѣнію: поземельныя книги, описи наслѣдствъ, урбаріи. Почти одновременно являются подобныя же правительственныя работы, какъ напр., знаменитая *Doomsdaybook* (*liber censualis*) Вильгельма Завоевателя, представляющая общую опись частныхъ владѣній, угодій, повинностей, податей и состояній. Особенный статистическій интересъ

имѣютъ записи церковныхъ требъ, заведенныя духовенствомъ, повидимому, уже въ началѣ среднихъ вѣковъ для движенія населенія: эти списки касались церковныхъ сборовъ, взимаемыхъ духовенствомъ за совершеніе крещеній, бракосочетаній и похоронъ. Они послужили, во всякомъ случаѣ, исходнымъ началомъ для болѣе правильныхъ актовъ о состояніяхъ, доставившихъ такой обильный матеріалъ для изслѣдованій о движеніи населенія въ XVIII вѣкѣ.

Къ концу среднихъ вѣковъ государственная идея выступаетъ все болѣе и болѣе впередъ; всемірная торговля, сначала въ Италіи, а затѣмъ въ Бельгіи и Голландіи, начинаетъ проявлять все большее образовательное и цивилизующее вліяніе. Въстѣ съ развитіемъ торговли начинаютъ появляться сборники свѣдѣній о тѣхъ государствахъ и странахъ, съ которыми велись торговые сношенія, и прежде всего въ Италіи. Итальянскіе сборники относятся къ XV, XVI и XVII столѣтіямъ и должны считаться первымъ матеріаломъ для ознакомленія съ современнымъ состояніемъ различныхъ государствъ. Наряду съ описаніемъ современныхъ государствъ, въ этихъ сборникахъ мы находимъ описанія никогда не существовавшихъ, напр., утопическаго государства (Атлантиды) Т. Мора. Были также описанія государственнаго устройства греческихъ республикъ—Афинской и Спартанской, и рядомъ съ ними въ этихъ сборникахъ встрѣчаемъ описаніе идеальнаго Платоновскаго государства. Отъ XV вѣка до насъ дошелъ сборникъ Пикколомини (Пія II), отъ XVI—сборникъ Сансовино (22 государствъ въ 1 ч. Утопія). Къ числу наиболѣе полныхъ относится сборникъ Дж. Ботеро (G. Botero), вышедшій впервые въ самомъ концѣ XVI в. (1589 г.). Въ этомъ трудѣ Ботеро изобразилъ состояніе всего, можно сказать, извѣстнаго тогда міра. Въ описаніи различныхъ государствъ онъ слѣдуетъ одному и тому же плану: сначала описывается природа, затѣмъ жители, ихъ нравы, образъ правленія, военныя силы, финансы и пр. Цѣли, которыми задавался Ботеро въ своемъ сборникѣ, были собственно не статистическія, а дидактическія, и сборникъ его долженъ быть скорѣе отнесенъ къ государственному праву, чѣмъ къ статистикѣ. Этимъ и объясняется почти полное отсутствіе у него численнаго матеріала. Несомнѣнно, однако, что численный матеріалъ былъ, доставляемый какъ дипломатическими агентами, такъ и друг. правительственными органами. У голландцевъ есть сборникъ де-Лэта (I. de-Laet), извѣстный подъ названіемъ «Эльзевирскихъ республикъ» (XVII стол.). Французы въ

обширномъ сборникѣ П. д'Авити (P. d'Avity) обладаютъ первымъ самостоятельнымъ опытомъ описанія государствъ.

Произведенія подобнаго рода имѣли громадное распространеніе, выдерживая рядъ изданій, переводовъ и передѣлокъ, и всюду принимались съ живѣйшимъ интересомъ. Но такой значительный литературный ихъ успѣхъ не соотвѣтствовалъ ихъ внутреннимъ достоинствамъ и объясняется скорѣе потребностью того времени въ знаніи быта и устройства другихъ народовъ. Научныя требованія удовлетворяются здѣсь развѣ только самыя умѣренныя. Плану не достаетъ послѣдовательности; въ исполненіи замѣчается совершенное отсутствіе метода и системы; что касается содержанія, то оно состоитъ изъ безпорядочнаго сбора замѣтокъ этнографическаго, историческаго и географическаго характера, собранныхъ въ одно цѣлое безъ всякой взаимной связи. Такимъ образомъ, если подѣ статистикой разумѣть хоть до нѣкоторой степени научное объединеніе собранныхъ администраціею наблюдений и сопоставленіе ихъ другъ съ другомъ или съ данными другихъ государствъ для какихъ бы то ни было цѣлей, то, какъ мы видѣли, въ эти вѣка статистики не существовало вовсе. Лишь со второй половины XVII столѣтія начали появляться сочиненія, имѣвшія въ виду не одно удовлетвореніе любознательности читающей публики, ставившія своею задачей подчинить сводку и обработку матеріала нѣкоторымъ теоретическимъ цѣлямъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ вырабатываются правильные, приведенные въ соотвѣтствіе съ цѣлью, приемы пользованія матеріаломъ и заранѣе обдуманная система изложенія. Описаніе государствъ, ознакомленіе съ ихъ бытовыми условіями, съ ихъ внѣшнимъ устройствомъ—стало фактическимъ основаніемъ для выработки правилъ политической мудрости. Явилась особая отрасль знанія, дополняющая политическое образованіе и долженствовавшая служить пособіемъ для практической дѣятельности людей, посвящавшихъ себя дѣятельности государственной. Первые попытки систематизаціи собираемаго о состояніи государствъ матеріала и первые попытки создать особую теорію новой науки о государствѣ являются въ Германіи въ концѣ XVII вѣка. Тамъ же и въ то же время появляется и самое названіе статистики (Helenas Politanus, *Microscopium statisticum quo status imperii Romano—Germanici repraesentatur*. 1672 г.). Впрочемъ, названіе это получаетъ право гражданства не ранѣе половины XVIII вѣка. Первое названіе новой науки было латинское: *notitia rerum publicarum*, перешедшее потомъ въ нѣмецкое *Staatenkunde*.

Нѣмцы не ограничились подражаніемъ итальянцамъ и голландцамъ въ составленіи сборниковъ описаній государствъ: они сдѣлали изъ государствовѣдѣнія предметъ университетскаго преподаванія. Первая каѳедра политики въ соединеніи съ государствовѣдѣніемъ явилась въ маленькомъ университетѣ въ Брауншвейгѣ—въ Гельмштедтѣ. Знаменательно, что ее занималъ профессоръ, въ то же время занимавшій и каѳедру медицины: и послѣдующіе капитальные успѣхи статистики, какъ и первые шаги въ ея область, сдѣланы естествоиспытателями. Первый публичный курсъ государствовѣдѣнія въ упомянутомъ университетѣ въ 1660 году открылъ Конрингъ. Лекціи его, изданныя безъ его разрѣшенія два раза—въ 1668 г. въ Брауншвейгѣ и въ 1675 г. въ Женевѣ, не столь важны для исторіи науки, какъ двѣ небольшія диссертациі, изданныя послѣ его смерти, въ 1730 году, въ сборникѣ его сочиненій, и носящія названіе: одна—*Exercitatio historico-politica de notitia singularis alicujus reipublicae*, другая—*Proemium rerum publicarum*. Въ этомъ небольшомъ разсужденіи ясно обозначается уже предметъ и содержаніе государствовѣдѣнія, какимъ оно осталось въ Германіи въ теченіи всего XVIII и доброй половины XIX вѣка. Измѣнялось и расширялось содержаніе государствоописаній сообразно расширенію матеріала, но та же искусственность содержанія, стремленіе возвести на степень особой науки простой наборъ фактовъ, расположенныхъ въ томъ или другомъ порядкѣ, та же схоластика въ опредѣленіяхъ и въ системѣ—остались достояніемъ государствовѣдѣнія до послѣдняго времени, т. е. до времени почти совершеннаго его исчезновенія изъ списка наукъ. Теперь только одни нѣмцы считаютъ государствовѣдѣніе статистикою и ищутъ примиренія прошлаго съ потокомъ новыхъ идей, новыхъ цѣлей и приемовъ изслѣдованія, вторгнувшись въ область социальныхъ явленій. Достаточно прослѣдить исторію государство-вѣдѣнія въ Германіи съ Конринга до Шлецера или Нимана, чтобы видѣть, что германскіе ученые на разстояніи полутора-ста лѣтъ на разные лады повторяютъ основныя положенія, высказанныя Конрингомъ въ концѣ XVII столѣтія.

Notitia reipublicae есть, по Конрингу, та наука, которая говоритъ о фактахъ, достойныхъ вниманія въ каждомъ государствѣ (*quae notatu digna existunt in republica singulari*). Онъ даетъ намъ и содержаніе государствовѣдѣнія въ тѣхъ предѣлахъ, за которые оно потомъ не выходило: страна, люди, форма управленія, государственное устройство (*Verfassung und Verwaltung*), способы управленія (*Regierung*), цѣли и средства государства—

вотъ его предметъ. Но все, что представляетъ намъ любое государство съ этихъ точекъ зрѣнія, имѣетъ значеніе и можетъ входить въ особую науку *notitia rerum publicarum* постольку, поскольку то или другое имѣетъ отношеніе къ благосостоянію государства: *quod ad felicitatem aut infelicitatem reipublicae spectat*. «Полное познаніе государства, говоритъ Конрингъ, состоитъ въ познаніи четырехъ причинъ, изъ коихъ первая есть причина матеріальная (*causa materialis*)—число населенія, его душевные и тѣлесныя свойства и богатство. Богатство состоитъ изъ вещей движимыхъ (*bona*) и недвижимыхъ. Между послѣдними стоитъ и земля или территорія (*regio*). Движимое богатство страны зависитъ отъ изобилія хлѣба, масла, вина, лѣса, металловъ. Причина конечная—насколько жители живутъ счастливою жизнью, состоящею въ добрыхъ поступкахъ и изобиліи средствъ жизни (*quae, т. е. vita, consistit in operatione virtutum et sufficientia rerum*). Причина формальная—образъ правленія и устройство управленія, и причина дѣйствующая — всѣ, кто править. Но* должно замѣтить, что причина эта двоякая: одна главная (*principalis*), другая подчиненная (*instrumentalis*). Главная — человекъ (правитель); для познанія же человека нужно знать его тѣло и душу. Причина подчиненная тоже двоякая—одушевленная и неодушевленная, къ которой принадлежатъ, главнымъ образомъ, деньги (финансы). Сюда же относится ученіе о войскахъ и флотѣ».

Въ такую схоластическую схему Конрингъ втискиваетъ весь матеріалъ государствовѣдѣнія, и нѣтъ основанія считать эту схему хуже всякой другой, такъ какъ всякая будетъ столь же искусственна. Самый же матеріалъ состоялъ изъ собранія замѣчаній историческихъ, географическихъ, этнографическихъ и политическихъ, относящихся къ *современному* состоянію государствъ, и границы между новой наукой, съ одной стороны, и исторіей, географіей и государственнымъ правомъ — съ другой, почти не существуетъ. Но уже у Конринга нельзя отнять нѣкотораго предчувствія возможности такой науки о государствахъ (обществѣ), которая позволяла бы на основаніи прошедшаго объяснять настоящее и на основаніи того и другого судить о будущей судьбѣ государства: онъ прямо говоритъ, что въ этомъ и состоитъ одно изъ основаній необходимости особой науки о государствахъ, отдѣльной отъ политики (государственного права). Самыя лекціи, открытыя Конрингомъ, имѣли огромный успѣхъ; онъ привлекали массу слушателей со всѣхъ концовъ Европы и упрочили въ Германіи государствовѣдѣніе на университетской ка-

едрѣ. Источникомъ для этихъ лекцій служили, главнымъ образомъ, личныя наблюденія лектора, документы, извлеченные изъ разныхъ архивовъ, потому что въ то время печатныхъ источниковъ не было и знаніе того, что дѣлается въ сосѣднихъ государствахъ, поддерживалось глубокою тайной, которой облакалось все, что могло обнаружить силу или слабость государства.

Послѣ Конринга государствѣдѣніе сдѣлалось въ Германіи не только самостоятельною отраслью политическихъ наукъ, но и однимъ изъ самыхъ излюбленныхъ предметовъ, на которые обращались научныя силы нѣмецкихъ ученыхъ. Множество ученыхъ сочиненій написано по этой наукѣ. Но всѣ они помимо новыхъ данныхъ, вносимыхъ въ нихъ по мѣрѣ накопленія свѣдѣній о явленіяхъ государственной и общественной жизни, отличаются тѣмъ же отсутствіемъ научной подкладки. Все это были такія же собранія фактовъ, оцѣниваемыхъ и комментируемыхъ съ той или другой точки зрѣнія, фактовъ, соединенныхъ чисто-внѣшнимъ образомъ. Предѣлы, содержаніе и система науки опредѣлялись совершенно искусственно, и всѣ усилія ученыхъ дать государствѣдѣнію самостоятельное содержаніе и самостоятельный методъ сводятся къ одной схоластикѣ. Тотъ или другой фактъ вносился въ науку или нѣтъ, только съ точки зрѣнія совершенно личной, а подъ методомъ разумѣли тотъ или иной планъ внѣшняго расположенія матеріала. Такимъ образомъ, «развитія» новая отрасль знанія намъ не представляетъ; знаніе это «расширяется», все болѣе и болѣе теряя свои опредѣленные границы, сливаясь съ исторіею, географіею, государственнымъ правомъ и политикою. Очевидно, «науки» не было. Смыслъ явленій, причинная между ними зависимость, не только отысканіе какихъ-либо законовъ соціальной жизни, но даже и предположеніе о ихъ существованіи, остались государствѣдѣнію чуждыми. Все сказанное легко видѣть, если взять наиболѣе даже крупныхъ представителей его въ Германіи въ половинѣ и въ концѣ XVIII вѣка, именно Ахенвалля и Шлѣцера.

Сначала профессоръ естественнаго международнаго права и статистикъ въ Марбургѣ, затѣмъ съ 1748 года въ Геттингенѣ, Ахенвалль считается нѣмецкими учеными для статистики тѣмъ же, чѣмъ былъ Адамъ Смитъ для политической экономіи. Ваппеусъ говоритъ, что Ахенвалль первый далъ статистикѣ полную самостоятельность, опредѣливъ ясно ея содержаніе, достаточное для положительной науки; онъ привелъ ее въ тѣсную связь съ жизнью, такъ какъ первый оживилъ ее сообщеніемъ дѣйствительныхъ фактовъ, выражаемыхъ числомъ и мѣрою; съ полнымъ

правомъ онъ можетъ быть названъ отцомъ теперешней научной статистики. Вагнеръ прямо сравниваетъ Ахенвалля съ Ад. Смитомъ. Но знакомясь ближе съ трудами Ахенвалля, главнымъ образомъ, съ его *Einleitung* въ *Abriss der neuesten Staatswissenschaft der vormehmsten Eur. Reiche* (1749 г.), гдѣ онъ излагаетъ свои теоретическіе взгляды, не трудно убѣдиться, что Ахенвалль не далеко ушелъ отъ Конринга. Представленіе государственнаго строя одною или нѣсколькихъ государствъ, говорится тамъ, есть предметъ особой науки, которая называется статистикою или государствовѣдѣніемъ. Государственный же строй можетъ быть только совокупностью государственныхъ достопримѣчательностей; слѣдовательно, статистика есть наука о государственныхъ достопримѣчательностяхъ. Если я смотрю на данное государство (слова Ахенвалля), то замѣчаю множество вещей, которыя тамъ дѣйствительно произошли и между ними есть такія, которыя способны или препятствуютъ благосостоянію государства; ихъ-то мы и называемъ государственными достопримѣчательностями.

Не то же ли самое, что говорилъ и Конрингъ?

Итакъ, по Ахенваллю, два признака опредѣляютъ, входитъ ли или нѣтъ данное явленіе въ область государствовѣдѣнія: 1) явленіе должно дѣйствительно имѣть мѣсто (не это ли Вагнеръ считаетъ за признакъ положительности его науки?) и 2) явленіе это должно имѣть отношеніе къ благосостоянію. Въ дальнѣйшихъ своихъ требованіяхъ Ахенвалль задачею государствовѣдѣнія ставитъ изученіе настоящаго, а не прошедшаго состоянія государства. Отличіе его отъ государственнаго права — въ томъ, что государствовѣдѣніе не входитъ въ разборъ законовъ существованія государства, а беретъ его, какъ данное. Отъ исторіи статистика отличается тѣмъ, что разсматриваетъ не *hominum actiones*, а *hominum effectus*. Существеннѣйшую пользу новой науки Ахенвалль видитъ въ тѣхъ практическихъ соображеніяхъ, которыя изученіе ея можетъ вызвать. Главная польза статистики та, что «при помощи ея мы не только правильно можемъ судить обо всемъ, что касается государства, но можемъ и получить умѣніе пользоваться тѣмъ, что знаемъ о государствѣ. Она необходима для лицъ всѣхъ состояній, особенно же для тѣхъ, кто служить своей странѣ, государю и народу». Въ дальнѣйшемъ изложеніи, въ самомъ описаніи государствъ Ахенвалль слѣдуетъ тому же порядку, какъ и Конрингъ. Начинаетъ съ «земли и людей». Въ отдѣлѣ «земля» излагаются географическія данныя съ указаніемъ ихъ политическаго значенія и особенное вниманіе